

Павел АМНУЭЛЬ.

Я его сразу узнал, хотя последний раз мы виделись одиннадцать лет назад при совершенно других обстоятельствах, и он очень изменился с тех пор: постарел, хотя, как ни странно, выглядел лучше, чем в былые годы.

— Здравствуй, Олег, — сказал я.

— Здравствуй, Дима, — ответил он так, будто мы расстались вчера вечером, а до того вместе пили и спорили, как бывало, о теореме каскадных склеек. — Я знал, что ты придёшь. Садись. Нет, не на этот стул, он для посетителей. Сюда, на диван.

Я сел рядом с ним, и диван недовольно проскрипел короткую фразу.

— Конечно, — сказал я, — ты знал, что я приду. Ты же пророк.

— Я не пророк, — ответил он печально, — и кому об этом лучше знать, как не тебе.

— Да, — с долей ехидства подтвердил я. — Это верно.

— Как ты меня нашёл? — спросил Олег. Говорил он медленно, совсем не так, как раньше. И слова выговаривал до конца, до самой последней буквы.

— Это было трудно, — признался я. — Странно, правда? Ты был...

— Неважно, — перебил он меня, — совершенно неважно, кем я был раньше... Зачем?

— Что — зачем? — не понял я.

— Зачем ты пришёл? Вряд ли только для того, чтобы убедиться, что это я. Что-то тебе от меня нужно. Как всем. Успех? Счастье?

Если в его голосе и была ирония, я её не заметил. Мне не нужно было счастье. Тем более — от него.

— Ира умерла в прошлом году, — сказал я, глядя ему в глаза. — Мы были вместе десять лет, два месяца и шестнадцать дней.

Он отвернулся и долго смотрел в сторону прикрытого шторой окна. Что он видел на этом белом экране, где смешались все цвета, всё, что происходило в его жизни? Себя — молодого, идущего с Ирой на дискотеку? Или только Иру, какой увидел её в тот день, когда, вдохновлённый, видимо, очередной победой на семинаре, сделал ей предложение, а она, поцеловав его в угол рта (я видел это, стоя в дверях аудитории), сказала, что он немного опоздал, потому что она любит другого, — и бросила взгляд в мою сторону, и он тоже посмотрел и всё понял. Мы с Ирой ушли, а поникший Олег остался. После того вечера я его больше не видел, потому что наутро кандидат

физматнаук Олег Николаевич Ларионов явился в ректорат, подал заявление об уходе и действительно ушёл — не получив даже ответа (ректор начертил на заявлении: «Согласен, после окончания семестра»), ни с кем не попрощавшись и никому не сказав ни слова о том, куда он направился. Известно было только, что видели Олега ехавшим в автобусе номер сорок три, который проходил мимо железнодорожного вокзала.

И всё.

— Почему она умерла? — спросил Олег, продолжая смотреть на белый экран шторы. «Почему ты не сохранил её?» — спросил он на самом деле. Я не мог. Я ничего не мог. Я всегда был теоретиком, мог вычислить склейку любой... ну, не любой, конечно, но достаточно высокой сложности, мог просчитать до двенадцати ветвей реальности, это много, а для аналитического решения почти невероятно — но на самом деле я не мог ничего. Ира заболела неожиданно и ушла быстро. Сколько это продолжалось? В марте врачи поставили диагноз, а в июле Иры не стало.

— Опухоль мозга, — сказал я. — Такое невозможно предвидеть.

— Теоретик, — прервал он меня.

И я не понял, звучало ли в его голосе презрение или он просто констатировал факт.

— Вот уже год, — сказала я, — я ищу тебя. И, как видишь, нашёл. — Помнишь Геннадия Бортмана?

Олег наконец обернулся. Я думал, что его взгляд... Нет. Он смотрел спокойно, будто врач на больного, пришедшего с жалобой на лёгкую простуду.

— Помню, — отозвался Олег. — Конечно. Жаль его, да...

— Он так и остался на ветви, что ты ему напророчил. Мог ли он?..

От ответа зависело многое. Я не хотел думать: моя жизнь. Но, может, Ира...

— Дима! — Олег начал тереть друг о друга пальцы обеих рук — старый жест. Так он оттирал следы мела после длинного доклада, когда весь пол под доской был усыпан меловой крошкой. — Дима, он мог выбрать любую ветвь в своих реальностях. За те месяцы, что прошли до... Он сотни раз принимал решения, ты же понимаешь, и сотни раз реальность ветвилась... но в нашей...

— В нашей, — прервал его я, — могло случиться только то, что предсказал ты, потому что твой выбор стоял над его выбором и созданная тобой ветвь оказалась крепче, прочнее и...

● ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

— Да, — кивнул Олег, — моя ветвь имела в миллионы раз большую вероятность, чем...

— Иными словами, — я хотел полной ясности, слишком важно было для меня то, зачем я искал Олега почти год, мучительный год, когда я жил только воспоминаниями, — иными словами, на миллион выбранных тобой вариантов придется один, выбранный кем-то другим.

— Может, не миллион, — Олег продолжал тереть пальцы, и этот жест почему-то раздражал меня настолько, что хотелось ударить его по рукам. — Может, десять миллионов. Или сто миллиардов. Нет статистики.

— Статистику ты набрал за эти годы, — перебил я уверенно. — Ты ведь в пророки пошёл, чтобы набрать статистику, и не говори мне, что это не так! Не говори мне, ради бога, что вдруг разочаровался в науке и пошёл в народ только для того, чтобы помогать людям.

— Я им действительно помогаю...

— Некоторым! Олег, я тут околачиваюсь вторую неделю, слушаю рассказы тех, кто стоит к тебе в очереди... Полгода некоторые стоят, между прочим... Каждый день приходят, ждут и уходят, и приходят опять, а потом кто-нибудь из твоих секретарей подходит к человеку и говорит: «Он вас не примет,

извините», — и возражения бесполезны. А некоторых ты принимаешь сразу и помогаешь только им, тобой отобранном, предсказываешь радости в творчестве, успехи в делах, счастье в личной жизни...

— Я хоть раз ошибся? — мягко спросил Олег.

— Нет! У тебя стопроцентная статистика! Это значит, что ты выбираешь нужную тебе ветвь многомира с надёжностью не менее десяти сигма...

— Восьми, — поправил он меня. — Пока статистика накоплена только для восьми сигма, и мне нужно ещё года три, чтобы...

— Плевать, — сказал я. — Я искал тебя, чтобы...

— Это невозможно, Дима, — Олег наконец перестал стирать с пальцев невидимые следы мела, положил руки на колени и посмотрел мне в глаза. — Это невозможно, и ты это знаешь. Ты сам когда-то доказал теорему, согласно которой...

— Да, — кивнул я. — Доказал. Если в ветви N мультиверса мировая линия объекта A представляет собой отрезок длины L , то с помощью склеек с другими реальностями невозможно увеличить длину этой линии в данной конкретной ветви.

— Тогда чего же ты хочешь от меня, Дима? Иры нет в этом мире. Ты не удержал её.

⇒

— Я не...
— Ты её не удержал, — повторил Олег.
— И что нам с тобой от того, что наша Ириша...

Он говорил «наша». Он все ещё жил с ощущением, что она лишь на время ушла от него к другому.

— ...наша Ириша осталась жива в миллиардах других ветвей этого проклятого многомирия?

— Ты умеешь, — продолжал я. — Ты гений склеек. Ты можешь соединять ветви многомирия в нужных точках и прививать их одну к другой, как Мичурин прививал ветку яблони к стволу груши.

— И чем это кончилось? — усмехнулся Олег. — Мичурин, Бёрбанк, Лысенко...

— Ты не хочешь даже попробовать! — закричал я.

Олег встал и отошёл к окну, будто хотел оказаться от меня как можно дальше, будто моё присутствие мешало ему думать, дышать, жить.

— Я всё время пробовал, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, будто из-под воды.

— Ты... — растерянно произнёс я. Он же не знал, что Ира...

— Я ничего не могу сделать для себя, понимаешь? Конечно, понимаешь, Дима, ты классный теоретик. Если я нахожусь на ветви N, то все склейки с другими ветвями, которые я могу произвести для изменения собственной судьбы...

— Находятся в пределах причинно-следственных связей данной ветви, это я доказал ещё на третьем курсе, — прервал его я. — Но ты говоришь, что пробовал...

— Я не мог не пробовать... Вопреки теории... А вдруг?

Мы помолчали. Каждый из нас осмысливал сказанное.

— Откуда ты знал, что Ира...

Олег обернулся и бросил на меня осуждающий взгляд.

— Ну, Дима... Если ты меня нашёл... Мне и искать не нужно было, я каждый день заходил на сайт университета и знал всё, что у вас происходило. Я не мог без этого.

— Мне в голову не приходило, — пробормотал я, — иначе я бы тебя вычислил гораздо раньше.

— Вряд ли, — отрезал он. — Я принимал меры... Сообщение о том, что Ира умерла, появилось в тот же вечер... И я тогда же попытался... Господи, Дима, я прыгал с ветви на ветвь, как сумасшедшая обезьяна, за несколько дней склеил столько реальностей, сколько не позволял себе никогда прежде... и никогда потом.

— Я не...

— Конечно, ты этого не почувствовал!

— Извини, — выдохнул я, — я действительно сегодня не в себе. Глупости говорю. Я и не мог почувствовать, моя реальность оставалась непрерывной относительно моего прошлого...

— А их у тебя в те дни были сотни, и в каждом Ира умирала, а я опаздывал, и только через неделю, когда её похоронили... в ста семидесяти шести ветвях...

— Ты был на ста семидесяти шести похоронах? — ужаснулся я.

Олег промолчал, и я понял, почему он показался мне таким постаревшим. Я бы сошёл с ума.

— Значит, — сказал я, — ничего не...

— Ты доказал эту теорему, — жёстко сказал Олег, — а я не нашёл её практического опровержения.

— Вот как, — пробормотал я. Что-то нашло на меня, может, сказались накопившаяся за год усталость, а может, я именно сейчас, независимо от своего желания, принимал одно решение за другим, и каждое переводило меня на новую ветвь, начинавшуюся с этих двух слов, и я повторял их, будто попугай: — Вот как, вот как, вот как...

— Ну, всё! — резко сказал Олег и протянул ко мне руку, пальцы которой странным образом действительно оказались перепачканы мелом. — Прекрати истерику! Ты год жил надеждой, пока искал меня, а я потерял надежду год назад и успел прийти в себя. Я ничего не могу для тебя сделать, Дима. Ни чего-то.

Я встал.

— Ты уходишь? — равнодушно спросил Олег, не подавая мне руки. — Ты столько времени меня искал. Мы могли бы выпить кофе, пообедать, ты бы рассказал, как сейчас в университете... защитил ли Куликов диссертацию...

— Ты же заходишь на сайт, — пожал я плечами.

— Нет, больше нет. После того...

— Ты... — сказал я, стоя уже у двери. — Ты склеиваешь реальности так, чтобы жизнь твоих... клиентов... стала лучше.

— Конечно, — кивнул он.

— А те, которых ты отказываешься принимать...

— Вот оно что... — Олег подошёл и давно знакомым жестом положил обе руки мне на плечи. Тяжесть его ладоней была неприятна, но я только чуть пригнулся, как Атлант, на которого легла небесная твердь. — Ты решил, что я не принимаю тех, чью судьбу не могу изменить в лучшую сторону, — продолжал он, глядя теперь безотрывно мне в глаза.

Он даже не моргал, и я старался не моргать тоже.

— Ты ошибаешься, Дима. Просто и у меня есть свои... ну, если не правила... я не хочу иметь дело с людьми, изначально мне неприятными... или с теми, чьё счастье связано с очевидными неприятностями для других... Я выбираю, да. Ты считаешь, что у меня нет на это права?

— Ну что ты, — пробормотал я. — Просто...

— Подумал о том, что я мог бы для тебя...

— Нет, — усмехнулся я, — ты этого, конечно, не сделаешь, а я этого не хочу.

— Хочешь, — жёстко сказал он. — Не надо врать, я вижу по твоим глазам. Ты хочешь быть счастливым, этого хотят все. Ты хочешь, чтобы дух Иры больше не мешал тебе жить. Ты хочешь забыть её...

— Нет!

— Хорошо: помнить, но так, немного, ставить каждый год свечку, и достаточно. И жить своей счастливой жизнью. Ты пришёл ко мне, чтобы я склеил твою нынешнюю ветвь с такой, где ты благополучен, счастлив и...

— Нет, — сказал я, но моргнул и опустил взгляд. Я хотел этого. И что? Он мог это сделать, я знал. Но понимал, что ради меня он не шевельнёт и пальцем.

— Да, — вздохнул он и ещё крепче (или мне показалось?) надавил мне на плечи. — Знаешь, Дима... Когда ты вошёл и мы узнали друг друга... первое, что я сделал — просчитал в уме склейки, которые мог бы... для тебя... Даже если бы ты не попросил меня об этом, я решил, что сделаю... Потому

что жить без Иры... Я знаю по себе, но себе я не могу помочь, будь она проклята, эта ветвь теорема... А тебе помочь я мог, да, иначе для чего я вообще живу на свете?

Он наконец снял руки с моих плеч, и я выпрямился, мне сразу стало легко. Оттого ли, что исчезла тяжесть, или оттого, что я на минуту решил: Олег может, Олег делает...

— Нет ни одной ветви в многомирии, — сказал Олег, опустив руки и взгляд, — где тебе было бы хорошо. Ни одной. Что я могу с этим сделать?

— Чепуха! — воскликнул я и отступил на шаг. — Ты же знаешь, что это чепуха, зачем ты так... Мы обсуждали эту проблему ещё...

— Да, — перебил он меня, — мы это обсуждали.

— Многомирие бесконечно! — воскликнул я. — Мироздание — это бесконечное число ветвей реальности, и все, без исключения (какие могут быть исключения в бесконечном наборе?), варианты любых событий, явлений, процессов, в том числе и человеческой жизни, просто обязаны осуществиться,

как одна из бесконечного числа возможностей, и значит...

— Значит, — с сожалением сказал Олег, — прав был ты, а не я. Ведь это ты доказывал, что число ветвей не может быть бесконечно большим, поскольку волновое уравнение для каждого события имеет ограниченное число решений.

— Да, но я с тех пор...

— А я, — Олег повысил голос, — утверждал, что число ветвлений каждого события бесконечно велико, следовательно, должны существовать в бесконечности многомирия абсолютно все варианты человеческой судьбы — счастливые и несчастные. Я был уверен! А теперь знаю, что ошибался. Число ветвлений каждой судьбы ограничено, Дима. Извини. Я ничем не могу тебе помочь. Я хотел. Очень. Хотя бы в память об Ире... Чтобы тебе было хорошо. Не получается. Среди огромного числа вариантов твоей жизни нет ни одного, в котором ты был бы счастлив.

— Ну вот, — сказал я, ощущая в душе пустоту, которая, как я теперь знал, не заполнится никогда, — мы и разрешили давний научный спор. Ты хотя бы раз признал, что прав я, а не ты.

⇒

— Число ветвлений конечно, — повторил он. — Ты рад, что оказался прав?

Он что, издевался?

— Прощай, — сказал я, вышел и тихо закрыл за собой дверь. Три секретаря пророка, сидевшие за компьютерами, даже взгляда на меня не подняли. «На сегодня приём окончен», — прошелестело из скрытых под потолком динамиков, и десятки людей, ожидавших в приёмной, с разочарованием вздохнули.

На улице было ветрено, накрапывал дождь. Машина, взятая напрокат, стояла в двух кварталах: ближе не оказалось мест для парковки. Когда я сел за руль, волосы мои были мокрыми, рубашка прилипла к телу, а мыслей не было вообще. Кроме одной. Зачем мне такая жизнь?

Я медленно ехал по правой полосе и даже не знал, в каком районе города оказался, когда впереди появился указатель: «Дальше — тупик». Я свернул к тротуару и заглушил двигатель.

Когда-то мы спорили с Олегом. Не только мы, конечно, это был популярный лет пятнадцать назад спор в теоретической эвереттике: ограничено ли число событий в мире постоянных ветвлений. Я говорил: да, ограничено, и мои аргументы... Господи, я и представить не мог, что, победив в научном споре, проиграю собственную жизнь! Дождь... Теперь всегда будет дождь...

Телефон заиграл мелодию венгерского танца Брамса, я нашарил в сумке аппарат и поднёс к уху.

— Дима! — я не сразу узнал голос, это оказался Михаил Натанович, врач, лечивший Иру и не сумевший спасти. Мы иногда созванивались, точнее, обычно звонил я, когда становилось совсем невмоготу. — Дима, я вам звоню уже десятый раз...

— Я выключал телефон, — сказал я. Вот уж кого мне не хотелось сейчас слышать...

— Неважно! Я хотел сообщить... сегодняшний анализ оказался гораздо лучше прежнего. Намного лучше. Это новое лекарство... Оно, знаете, действительно... Дима, я думаю, что теперь всё будет хорошо. Вы меня слышите?

Всё будет хорошо... Новое лекарство... Ира...

— Как она? — спросил я, сжимая телефон в руке так, будто хотел сломать.

— Ночь спала нормально...

— Ира...

— Ирина Яковлевна сегодня впервые сама позавтракала.

— Да, — сказал я. — Спасибо, что позволили. Я буду в больнице к девяти вечера, раньше просто не успеваю.

Телефон я бросил рядом с собой на сиденье.

Олег сумел? Как же так? Он сам сказал — и часа не прошло, — что число склеек ограничено, что если Ира умерла, то...

Он ошибся? Или сумел сделать то, что сам для себя полагал невозможным? Или понял всё-таки, что многомирие бесконечно в своих ветвлениях и есть, обязательно есть такая ветвь, в которой всё, абсолютно всё получается так, как...

Я поднял аппарат и набрал знакомый уже номер. Я должен был хотя бы сказать «спасибо».

— Мне нужно поговорить с Олегом Николаевичем, — попросил я, когда кто-то из секретарей ответил на звонок.

— К сожалению...

— Это говорит Манцев, его старый друг и коллега, я только что у него был и хочу...

— К сожалению, — повторил серый, как дождь за окном, голос, — это невозможно. Олег Николаевич скончался вскоре после вашего ухода.

Как — скончался? Он же был совершенно здоров и прекрасно себя чувствовал, когда...

— Не понимаю, — пробормотал я. — Как это...

— Сейчас у нас полиция, — сообщил секретарь. — Наверно, они захотят поговорить и с вами, вы были последним посетителем. Минут через десять после вашего ухода...

— Ну же!

— Олег Николаевич выбросился из окна. А у нас...

— Шестой этаж, — закончил я.

«Вот и всё, — думал я. — Вот и всё. Сдвинул белую штору...»

Дождь кончился. Я мчался в аэропорт на предельно разрешённой скорости. В девять часов мне нужно быть в больнице. У Иры. У моей Иры.

Всё-таки я оказался прав: число склеек ограничено. Олег доказал это — теперь уже точно. Он говорил, что ничего не может сделать со своей судьбой. Конечно. Кроме одного: прервать её. И только в этом случае та ветвь моей судьбы, где Ира умерла, могла склеиться с другой ветвью, где она осталась жива.

Продолжить чью-то ветвь можно, обрубив другую. Закон сохранения. Олег знал...

Зачем он это сделал? Он же ненавидел меня! Должен был ненавидеть. Я бы на его месте...

Да, а как бы поступил я, зная, что есть лишь один способ?.. Я теоретик. Олег занимался практикой. Он умел то, о чём я мог только догадываться. Или вычислять.

Я увеличивал скорость и больше не смотрел на спидометр.

Я знал, что всё у меня — у нас с Ирой — будет хорошо.

Как мне теперь жить, зная это?

*Рисунки
Майи Медведевой.*